

Южный Кавказ: 30 лет турбулентности

А.А. МИГРАНЯН, доктор экономических наук

E-mail: a.mihrianyan20@gmail.com.

SPIN-код: 9433–7609. ORCID: 0000–0001–6014–5955

Институт экономики РАН, Москва

Аннотация. В статье исследуются политические процессы формирования государственности постсоветских республик Южного Кавказа, проблемы обеспечения военно-политической безопасности и стабильности в регионе, демократизации политико-экономических институтов. Изучаются социально-экономические особенности формирования и развития стран региона, выявляются отличительные особенности сложившихся в них экономических систем. Определены факторы и экономический потенциал республик, влияющие на выбор моделей внешнеэкономического сотрудничества и интеграционных предпочтений. Проведена оценка главных макроэкономических параметров национальных экономик, выявлены особенности экономических моделей, обоснован циклический характер экономического развития республик Южного Кавказа.

Ключевые слова: политические системы; государственные институты; экономическая модель; этапы экономического развития; экономический потенциал; Южный Кавказ; Азербайджан; Армения; Грузия

Несмотря на свой довольно ограниченный политико-экономический потенциал, Южный Кавказ исторически играет важную роль в международных отношениях, оставаясь регионом, где сталкиваются интересы всех наиболее крупных акторов мировой политики: России, США, ЕС, Турции, Ирана, арабских стран, а в последние годы и Китая. Благодаря своему выгодному геостратегическому положению этот регион оказывает большое влияние на глобальные геополитические и интеграционные процессы, затрагивая интересы не только ближайших соседей, но и всех стран евразийского пространства.

Малый по масштабам регион (территория всего 186,1 тыс. км², население не более 15 млн чел.), будучи расположенным на пересечении транспортных маршрутов Евразии (север-юг, запад-восток), в XXI веке вновь стал трансграничным коридором, определяющим конкурентоспособность и политический вес внешних игроков. Интерес к данному региону со стороны политиков, ученых и аналитиков поддерживается не только благодаря его уникальности, но и в связи с тем, что внутри себя он

не перестаёт быть крайне противоречивым, конфликтогенным и нестабильным.

Исследования стран Южного Кавказа проводятся как в историографическом, социально-культурном, политическом аспектах (М. Гасанова, М. В. Кривошеева, Э. Г. Вартамян, А. М. Исмаилова, А. В. Костарев, С. Р. Авертисян, Э. Минасян, В. Д. Дзидзоев), так и с точки зрения происходящих внутри региона процессов, его трансграничного значения и экономического развития (П. Шинковская, Л. Гринин, И. Щербак, М. Титаренко, Л. Рожкова, Е. Прокопенко, М. Колисниченко, С. Маркедонов, Н. П. Наджафов, И. Муродян, В. И. Сажин, Л. Б. Вардомский, А. Г. Пылина и др.). Тематика и направления исследований постоянно расширяются в силу нестабильности региона и высокой динамичности происходящих в нем изменений. Цель данной работы – обобщение исследований, выявление и обоснование основных трендов и особенностей развития экономических систем Азербайджана, Армении и Грузии, их геостратегических интересов и геополитических факторов развития.

Становление государственности стран Южного Кавказа

В современной системе политических отношений треугольник стран Южного Кавказа остается самым сложным и конфликтогенным регионом, где, кроме внутренних противоречий, то и дело возникают столкновения геополитических интересов внешних акторов, напрямую влияющие на безопасность и стабильность стран.

Становление политических систем и государственности, крайне неоднородных по своему составу, экономическому потенциалу, этнокультурным ориентирам и с противоречивыми интересами, стран южно-кавказского региона характеризовалось схожими процессами. Во всех трех государствах оно происходило крайне болезненно, сопровождалось вооруженными конфликтами (между Азербайджаном и Арменией, Грузии с Абхазией, Южной Осетией и внутри страны), потерей территорий и падением уровня жизни населения (1990–1994 гг.).

В конце 1990-х на первый план вышли проблемы обеспечения безопасности и социально-экономической стабильности, преодоления тотальной бедности и социальной напряженности,

вызванной разрушительными последствиями распада союзной экономики и смены экономического уклада, разрывом прежних кооперационных связей и выстраиванием новых торгово-экономических отношений с внешним миром.

Сложность преодоления общих для всех стран региона социально-экономических проблем усугублялась отсутствием опыта государственности, что выражалось в подмене государственных институтов семейными, клановыми связями и формированием института землячества [Бекларян, 2011]. Эффективность избранных парламентов была крайне низка, в то время как исполнительная власть активно интегрировалась с клановыми структурами. Кроме того, для всех стран региона было характерно длительное сохранение административного ресурса у руководителей советского периода, которые по факту лишь сменили название должностей. В Армении и Грузии их смена была осуществлена «революционным» путем, там основным институтом государственной власти в настоящее время являются парламенты (парламентские республики), в Азербайджане позиции унаследованных от СССР элит до сих пор крепки.

Клановые и семейные связи с самого начала стали основным способом выстраивания хозяйственных отношений внутри национальных экономик и к 2000-м годам привели к созданию групп влияния. В Азербайджане особенно выделялись олигопольные группы по контролю нефтегазового сектора, в Армении – промышленные группы по добыче и переработке металлов, сельскохозяйственной переработке, производству алкогольной продукции и торговле; в Грузии – в торговле, транспортных услугах, позже – в сфере туризма и сервисных услуг.

Одновременно создавались новые внешнеэкономические связи, которые определили выбор торговых и инвестиционных партнеров, и соответственно, круг экономических интересов внешних акторов, влияющих на регион. Поэтому формирование полноценных рыночных отношений растянулось на долгие годы и до сих пор имеет свою специфику в каждой стране, несмотря на развитие рыночных институтов и либерализацию экономики (в разной степени и со своим национальным интересом).

Во всех трех странах региона, в отличие от других государств постсоветского пространства, сформированы мононациональные (либо с жестким доминированием государствообразующей

нации) сообщества. Поэтому определяющим фактором политических процессов в них изначально были и остаются национальные интересы, во многом опирающиеся на национальные традиции и этноконфессиональные особенности. Они не просто противоречат друг другу, но нередко находят выражение в жестких этнических и территориальных конфликтах, вплоть до военного противостояния [Гаджиев, Примова, 2012].

Попытки совмещения национальных традиций и демократических и либерально-экономических реформ привели к созданию крайне противоречивых институциональных систем, в которых на фоне формализованных демократических институтов и рыночных отношений доминировали неформальные авторитарные практики и кланово-земляческие вертикали распределения экономической ренты (в Азербайджане и по сей день сохраняются эти противоречия, в Армении и Грузии после перехода к парламентским институтам верховной власти клановость размывается и в большей степени передается олигопольным структурам в экономике). В такой специфической системе источником власти и конкурентоспособности экономических субъектов является административный ресурс, поэтому во всех странах наблюдались подчиненность институтов власти экономическим интересам элит, самоидентификация титульных наций посредством победы в территориальных и этноконфессиональных конфликтах.

Противоречивость в политических системах и столкновение интересов внешних акторов обусловили насильственные смены власти во всех странах [Петрова, Сляднева, 2015]. В Азербайджане в 1992 г. на фоне неудач в первой Нагорно-Карабахской войне, в Армении дважды – в 1996–1997 гг. и 2018 г., в большей степени в связи с нарастанием социальной напряженности из-за снижения уровня жизни и конфликта интересов элит, в Грузии – в 1992 г., 2003 г., 2008 г. и 2013 г., на фоне межнациональных противоречий внутри страны, военных неудач в Осетии и Абхазии и утраты контроля над ними, социальной напряженности и низкого уровня жизни.

Все страны региона характеризуют свои политические системы как демократические. Азербайджан сохранил президентскую форму власти, Армения и Грузия после проведенных конституционных реформ стали парламентскими республиками, соответственно в 2015 г. и 2018 г. В обоих случаях переход

сопровождался политической нестабильностью и неконституционными методами смены власти.

Сразу после обретения независимости страны повысили свою активность на международном треке, что способствовало формированию новой конфигурации Южного Кавказа как самостоятельного макрорегиона. Однако этот процесс, в отличие от других макрорегионов евразийского пространства, отличался стремлением каждой из стран самостоятельно интегрироваться в международные блоки и структуры, не вступая во взаимодействие друг с другом, реализуя разновекторные интересы. Низкий уровень интеграции внутри региона обусловлен наличием нерешенных меж- и внутринациональных конфликтов. Основным вектором интеграции была и остается степень влияния региональных игроков.

В первые десять лет независимости для всех стран центром притяжения была Россия, после 2000-х наблюдается устойчивая тенденция снижения российского фактора в их международной и интеграционной повестке. По итогам армяно-азербайджанской войны 2020 г. Россия укрепила и даже расширила свое военно-политическое присутствие, но в экономической сфере она больше не доминирует.

В Азербайджане ведущая роль в экономических связях принадлежит Турции, наращивает торговые отношения с республикой Евросоюз, традиционно развивается сотрудничество с Ираном. Армения также диверсифицирует внешнеэкономические связи. Будучи членом ЕАЭС, она одновременно пользуется преимуществами ассоциированного партнерства с ЕС, сохраняет на высоком уровне торгово-экономические отношения с Ираном. Грузия после 2008 г. стабильно остается в сфере интересов и под патронажем ЕС и мировых кредитных институтов, которые определяют не только ее торговые и внешнеэкономические связи, но и в целом политику экономических реформ и специфичность реализуемой экономической модели. Второй по значимости экономический партнер Грузии (первый по торговым связям) – Турция.

Дезинтеграционный трек внутри Южного Кавказа достиг своего максимума в 2015–2016 гг. По оптимистичным сценариям ведущих российских экспертов [Захаров, Арешев, 2010; Крылов, 2017], данным задолго до второй Карабахской кампании в 2020 г.,

перемирие между Азербайджаном и Арменией могло бы снять противоречия этноконфессионального конфликта, блокирующие внутрирегиональное сотрудничество, обеспечить развитие трансграничных коммуникаций (транспортные железнодорожные коридоры) энергетических проектов. В целом оптимистичный посыл экспертов оправдан на теоретическом уровне, но практическая реализация разблокировки транспортных коммуникаций, оживления экономического сотрудничества между странами по итогам 2021 г. остается на прежнем уровне из-за сохранения противоречий и нерешенности территориальных споров.

Экономическое развитие региона: от кризиса к кризису

Формирование национальных экономических систем на Южном Кавказе происходило в условиях военной и политической нестабильности. Поэтому экономические потери в регионе не только были обусловлены сломом традиционного уклада, деградацией промышленного сектора, утратой конкурентоспособных технологий, разрывом кооперационных и торговых связей, но и усугублялись из-за военных потерь, транспортной изоляции, энергетического кризиса, мощного миграционного оттока [Социально-экономическое..., 2012].

Армения и Грузия практически утратили конкурентоспособные отрасли экспорта, в первые десять лет там вдвое сократился объем промышленного производства. Богатый ресурсами Азербайджан восстанавливался быстрее соседей, демонстрируя более высокие показатели социально-экономического развития, но при этом сильно зависел от ценовых флуктуаций и спроса на мировых энергетических рынках. На фоне благоприятной для своего экспорта конъюнктуры он инициировал единственный в регионе интеграционный проект (строительство газопровода Баку – Тбилиси – Эрзурум), что стимулировало структурные сдвиги и в его собственной экономике, и в грузинской. Армянская экономика развивалась в закрытом режиме, структурные сдвиги характеризовались плавным ростом доли сельского хозяйства, сервисных отраслей [Зоидов, Зоидов, 2014].

Общей для всех стран региона особенностью была и остается трудоизбыточность: высокий уровень безработицы и миграционного оттока. Это обуславливает зависимость национальных

экономик и уровня жизни населения от экономического благополучия в странах, принимающих трудовых мигрантов и определяющих объемы и стабильность их денежных переводов.

Еще одна общая черта – циклический характер развития национальных экономик, при котором периоды спада/подъема определялись этапами становления рыночной системы и ситуацией на мировых рынках. С 1992 по 2021 гг. можно выделить несколько экономических циклов, характеризовавшихся резкими кризисными спадами с последующим восстановлением.

Первый, наиболее болезненный *трансформационный кризис (1990–1995 гг.)* был связан с переходом на рыночные отношения и собственно становлением государственности. Неравномерность экономических потерь в странах региона обусловлена разницей концептуальных подходов к проведению реформ, разным уровнем сохранения экономических связей с Россией, различиями в экономической структуре и ресурсном потенциале, а также в степени влияния военно-политических и внешних факторов [Гаспарян, 2009]. Во всех южнокавказских республиках реформы переходного периода осуществлялись на фоне военных конфликтов, что придало им свою специфику и усугубило потери.

В *Азербайджане* этот период был наиболее разрушительным (за 1990–1995 гг. ВВП сократился на 42%)¹. В ходе военной кампании 1991–1992 гг. было потеряно около 40% сельскохозяйственных территорий, из-за наплыва беженцев, гиперинфляции резко возросла нагрузка на бюджет. В результате реформы носили по большей части ситуативный характер, основные усилия направлялись на сдерживание инфляции, выполнение социальных обязательств и поддержание военных расходов. Одновременно правительство активно искало зарубежных партнеров для инвестирования в развитие топливно-энергетического комплекса и налаживания новых рынков сбыта (транзита). Ситуация стала улучшаться после подписания «контракта века»², уже в 1996 г.

¹ Рассчитано автором по статистической базе данных UNCTAD. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?IF_ActivePath

² Контракт, подписанный 20 сентября 1994 г. между 13 крупными нефтедобывающими компаниями из 8 стран о совместной разработке трёх нефтяных месторождений – «Азери – Чираг – Гюнешли» в азербайджанском секторе Каспийского моря на условиях долевого распределения продукции.

реальный ВВП вырос на 5% к предыдущему году [Жуков, Резникова, 2012].

Концентрация усилий на нефтегазовом секторе принесла свои плоды, но практически лишила поддержки другие отрасли: в республике уменьшился промышленный сектор, начала формироваться экспортоориентированная сырьевая экономика, доходы от которой позволяли поддерживать социальные, военные и инфраструктурные расходы и обеспечивать высокие темпы роста в периоды роста мирового спроса на энергоресурсы.

В Грузии ВВП упал на 31%. Общие для региона сложности переходного периода усугублялись агрессивной политикой блокады экономических, торговых и транспортных связей с Россией, которая требовала закрытия коридоров радикальным исламистам в Чеченскую Республику и поддержала требования Абхазии и Южной Осетии по сохранению права использовать национальные языки, позже и требования автономий для них. Критически зависящая от поставок российских ресурсов, после разрыва отношений с РФ республика практически лишилась своего промышленного потенциала, существенно сократились и объемы сельскохозяйственного производства. Переход к рынку и политические решения первых властей Грузии о фактической самоизоляции привели к полной структурной перестройке грузинской экономики. В промышленности сохранились лишь производства по переработке сельскохозяйственного сырья, упал до минимального уровня экспорт, стали проявляться черты натурального хозяйствования. Сохраняющиеся риски военных конфликтов, гиперинфляция привели к возникновению бюджетного и кредитного кризисов в 1993 г. и смене власти.

С приходом Э. Шеварднадзе (1994 г.) республика приступила к экономическим реформам под патронажем и при финансовой поддержке МВФ. Реформы в Грузии отличались высокой степенью либерализации: были полностью упразднены ограничения в сфере внешнеэкономической деятельности, введена национальная валюта (сначала переходная, а затем лари), инициировано жесткое администрирование государственных расходов (практически упразднены расходы на социальную поддержку), проведена налоговая реформа. В 1995 г. началось восстановление экономики, однако преодолеть рост безработицы, падение уровня жизни населения и его миграционный

отток не удалось до сих пор [Андропова, Катамадзе, 2018]. Так, по состоянию на 2020 г. норма потребления в Грузии составляла 1,9 долл. в сутки³.

Армения в 1991–1993 гг. прошла через жесткую энергетическую и транспортную блокаду, обусловленную военным конфликтом с Азербайджаном и ситуацией в Грузии. Страна оказалась практически в полной изоляции. В условиях энергетического кризиса и мобилизационной экономики военного времени власти республики вынуждены были отложить экономические реформы и заняться снабжением и распределением скудных ресурсов. Данный период характеризовался тотальным дефицитом топлива, электроэнергии, финансовых средств на всех уровнях (от госбюджета до домохозяйств), в экономике доминировали бартерные отношения.

После окончания военных действий летом 1994 г. первоочередной задачей был выход из транспортной блокады (через Грузию и Иран), но до сих пор она преодолена не полностью. Проблема энергетического кризиса была решена благодаря поддержке России (перезапуск армянской АЭС, поставки энергоресурсов) и соглашению с Ираном о поставках электроэнергии. Тогда же начались реформы под патронажем МВФ по программе «шоковой терапии». Незначительный ресурсный потенциал (небольшие месторождения меди, молибдена и др. металлов) не привлек большого внимания инвесторов, что привело к отказу от переработки сырья и фактически лишило республику существенной части промышленного потенциала, но либерализация экономики позволила стимулировать предпринимательскую активность, что способствовало ее быстрому восстановлению (в 1995 г. ВВП вырос на 10% относительно 1992 г.)⁴.

При этом структура отраслей радикально изменилась: вместо сложной наукоемкой продукции химической промышленности, которая доминировала до 1990 г. (60% от ВВП), правительство стимулировало рост производства малогабаритных и неэнергоёмких продуктов (ювелирные изделия, добыча и переработка меди, сельскохозяйственная продукция), с тем чтобы обеспечить их экспорт в условиях транспортной изоляции.

³ Национальная служба статистики Грузии. URL: <https://www.geostat.ge/en>

⁴ По статистической базе данных UNCTAD. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?IF_ActivePath

Последующие спады были вызваны влиянием мировых кризисов. В 2009 г. наибольший спад был в Грузии (на 16% относительно предыдущего года, в том числе из-за прекращения торгово-экономических отношений с Россией после войны 2008 г.), в Армении ВВП сократился на 13%. Азербайджан, благодаря росту цен на энергоресурсы и введению в эксплуатацию новых месторождений, этих мировых катаклизмов практически не заметил – в 1998 г. рост ВВП превысил 10%, в 2009 г. составил чуть более 8%⁵.

Кризис 2014–2015 гг. был вызван падением цен на энергоресурсы, экономическим спадом в России, глобальным переходом от свободной конкуренции к геополитическому и санкционному внешнему давлению. На этот раз в большей степени был задет Азербайджан из-за неблагоприятной ценовой конъюнктуры на основные статьи его экспорта (спад темпов роста до 1,4% в 2014 г. и падение на 29,5% в 2015 г.). Армения падением ВВП на 9,2% в 2015 г. (против роста на 4,7% годом ранее) обязана в первую очередь «эффекту заражения» через интеграционные связи с Россией в рамках ЕАЭС. В Грузии экономический спад 2015 г. (минус 15,2% ВВП⁶) был связан с потерей доходов от транзита энергоресурсов, туристических потоков из-за геополитической конфронтации с Россией, высокой инфляции и волатильности национальной валюты [Иванов, 2019].

Кризис 2020 г. имел общемировой характер и был вызван введением ограничений экономической активности из-за пандемии коронавируса, а также падением спроса на энергоресурсы; для региона дополнительным кризисным фактором стала вторая Нагорно-Карабахская война, от которой в большей степени пострадала экономика Армении, как проигравшей стороны.

Экономику *Азербайджана* начало лихорадить уже в 2019 г., когда годовой темп роста упал до 1,3% (против 15% в 2018 г.) в связи с негативной динамикой спроса и цен на углеводороды. В 2020 г. валовой продукт сократился на 11,3% под влиянием обвала цен и спроса на экспортируемые энергоресурсы, карантина в первом квартале и ноябрьской военной кампании в Нагорно-Карабахской области. Совокупный объем инвестиций

⁵ База данных статистики Всемирного банка. Расчёты автора. TheWorld Bank/ URL: <https://data.worldbank.org/indicator>

⁶ Там же.

уменьшился на 4%, а в нефтегазовом секторе – на 18,8%, снижение объемов грузовых перевозок составило 19,6%, пассажирских – 40,5%, розничной торговли – 1,4%, услуг – 26,8%⁷. При этом возросла нагрузка на бюджет из-за роста военных и социальных расходов, связанных с необходимостью поддержки здравоохранения и пострадавших от карантина отраслей, а также резко выросшего количества безработных (на 45,2% по сравнению с 2019 г.⁸). Кризис сопровождался обесцениванием национальной валюты (манат), ростом государственного долга, при этом средства Государственного нефтяного фонда Азербайджана оставались в резерве. Неблагоприятная ситуация в денежно-кредитной системе вызвала рост социальной напряженности в первом полугодии 2020 г., но он был нивелирован победой в военном конфликте.

Для *Армении* 2020 г. был ознаменован не только экономическими потерями, но и кризисом государственности после поражения от Азербайджана. Падение ВВП на 7,6% было обусловлено преимущественно противопандемийными ограничениями. Это воспринималось особенно болезненно после ускоренного роста в предыдущий период (в 2019 г. ВВП вырос на 8,7%, промышленное производство – на 9%) и на фоне поражения в Нагорном Карабахе и привело к правительственному кризису. Проблемы восстановления армянской экономики связаны с потерей промышленного потенциала, снижением экспортной выручки, дефицитом государственных финансов и инвестиционных ресурсов, разрушением туристической отрасли и снижением поступающих в республику доходов мигрантов. Прямые военные потери оцениваются в пределах 1–1,5% от ВВП, потери от экспортных потоков интегрированной в армянскую экономику Нагорно-Карабахской области официально не учитываются [Мкртчян, 2020].

Валовой продукт *Грузии* по итогам 2020 г. упал на 11,3%, что было обусловлено потерями туристической отрасли, сокращением пассажирских и грузовых перевозок (в том числе – транзитных) и в целом ограничениями деловой активности и привело

⁷ Данные официальной статистики Госкомстата Азербайджанской Республики. URL: <https://www.stat.gov.az/>

⁸ Europe and Central Asia Economic Update, Spring 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/europe-and-central-asia-economic-update>

к резкому падению доходов госбюджета и населения. При этом резко ускорилась инфляция (цены товаропроизводителей за год выросли на 10%, а индекс потребительских цен – на 40,6%). Для поддержки населения и бизнеса Грузия была вынуждена прибегнуть к заимствованию у своего основного кредитора – МВФ. Суммарный объем ее обязательств перед фондом составил 5,5 млрд долл. (при этом совокупный внешний долг на конец 2020 г. достиг 19,7 млрд долл., или 120% от ВВП, а внешний государственный долг – 8,9 млрд долл., или 54% от ВВП); транш в 113 млн долл. в 2020 г. был полностью направлен на покрытие отрицательного платежного сальдо (дефицит счета текущих операций – 1,8 млрд долл., или 10,8% от ВВП)⁹. Рост долгового бремени республики на всех уровнях в условиях снижения притока инвестиций (на 30% за 2020 г.), сохраняющихся рисков пандемии, военных конфликтов, политической нестабильности ставит ее в крайне уязвимое положение и не позволяет эффективно развивать экономику.

Проблемы грузинской экономики заключаются в ее сервисной структуре, отсутствии промышленного экспортного потенциала, а, следовательно, и резервов по снижению уровня безработицы (18,3% по итогам 2020 г. – самый высокий показатель в регионе), преодолению бедности. Решение этих проблем возможно лишь при кардинальной смене геоэкономических ориентиров, возврате к индустриальной модели экономики, что невозможно в сложившихся условиях тотальной зависимости от внешних кредиторов, кураторов грузинской модели государственности.

Экономические модели южнокавказских республик

Страны южнокавказского региона, переживающие общие циклы турбулентности и становления государственности, реализуют различающиеся экономические модели.

Азербайджан – самая мощная в экономическом отношении страна в регионе, обладает значительными природными и ресурсными

⁹ Данные официальной статистики Национальной службы статистики Грузии.
URL: <https://www.geostat.ge/en>

богатствами (запасами нефти¹⁰ и газа¹¹, руд и неметаллических полезных ископаемых), диверсифицированными факторами производства, высоким потенциалом развития сельского хозяйства и туризма, хорошо развитой транспортно-логистической инфраструктурой. Выгодное географическое положение страны определяет ее широкие транзитные возможности.

Богатый ресурсный потенциал, благоприятные природно-климатические и географические условия предопределили экспортно-ориентированную сырьевую модель экономики республики, что обуславливает ее зависимость от ценовой конъюнктуры на мировых рынках сырьевых ресурсов, уязвимость перед внешними шоками и экстенсивный характер воспроизводства.

Основная проблема данной модели – это ярко выраженный дисбаланс развития, когда доминирование ресурсодобывающих отраслей (43% в 2012 г., 47,9% в 2018 г. и 40% в 2020 г.¹²) не сопровождается ростом неэнергетического сектора. В настоящее время доля добычи нефти и газа в ВВП превышает долю обрабатывающей промышленности в 10 раз, что существенно увеличивает риски азербайджанской экономики в условиях исчерпания нефтяных запасов, растущей сложности добычи газа [Новиков, 2021]. Рост затрат в сфере нефте- и газодобычи приводит к снижению рентабельности отрасли, а поддержание экспортного потенциала энергетического сектора требует все

¹⁰ Занимает 19-е место (2019 г.) в мире по доказанным объемам нефти 7 млрд барр. (1 млрд т), или 0,45% от всех мировых запасов, по данным ОПЕК. // Источник: ОПЕК, Annual Statistical Bulletin, 2020. // URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6045.htm. Те же данные указывает актуальная статистика ВР, уточняя долю в мировых запасах до 0,4%. Источник: Statistical Review of World Energy 2020 (англ.) // URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>

¹¹ По данным ОПЕК, объем доказанных месторождений газа составляет 1718 млрд м³ и занимает 21-е место в мире с долей 0,83%. // Источник: ОПЕК, Annual Statistical Bulletin, 2020. // URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6045.htm. Данные ВР отличаются, общий объем доказанных месторождений природного газа составляет 2800 млрд куб. м и 1,4% от мировых запасов. // URL: Statistical Review of World Energy 2020 (англ.). URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>

Данные правительства существенно отличаются, указывает цифра от 1,5 до 7 трлн м³ газа, включая сопутствующий газ при добыче нефти (т.н. «газовые шапки»).

¹² Данные официальной статистики Госкомстата Азербайджанской Республики. URL: <https://www.stat.gov.az/>

больше инвестиционных вливаний. Это закрепляет отраслевой дисбаланс и не позволяет формировать достаточные условия для ускоренного развития несырьевого сектора (что постоянно декларируется).

Доходы от экспорта энергоресурсов концентрируются в Государственном нефтяном фонде Азербайджана и направляются на финансирование крупных инфраструктурных проектов, поддержание социальной сферы.

В целом реализуемая в республике экономическая модель создает благоприятные условия для ускоренного роста валовых показателей в период высоких цен и растущего спроса на энергоресурсы, но остается крайне уязвимой в период низкого спроса. Цикличность экономического роста, несмотря на растущий поток экспортной выручки, не позволяет обеспечить равномерное экономическое развитие. Эффективному развитию несырьевых секторов препятствует также преимущественно олигопольный тип конкуренции.

Армения не имеет значительных природных ресурсов, при благоприятных климатических условиях здесь в дефиците земли, пригодные для земледелия. Из производственных факторов ее главный ресурс – квалифицированные кадры. Страна не имеет выхода к морским торговым путям, соседство с исторически враждебными крупными исламскими странами, нестабильной Грузией часто ставит ее в режим транспортной изоляции.

Исходный ресурсный потенциал определяет специфику армянской экономики, которая представлена системой мелкотоварных производств, сосредоточенных в АПК, предприятиями по добыче медной руды и производству строительных материалов, развитыми финансовым сектором и сферой услуг. Экспортный потенциал формируется за счет продукции сельского хозяйства, меди, обработанных драгоценных камней и ювелирных изделий.

Высокий уровень предпринимательской активности обеспечивает быструю адаптивность экономической системы, условия конкуренции приближены к свободному рынку, за исключением экспортоориентированных секторов. Однако внутреннее потребление ориентировано на импорт, что предопределяет высокую зависимость от внешних факторов как уровня потребительских цен и инфляции, так и частоты циклических спадов.

Гибкость экономической модели в периоды благоприятной внешней конъюнктуры обеспечивает высокие темпы роста ВВП, но не позволяет решить проблему бедности населения. Потребительский спрос и финансирование социальных проектов (в части инфраструктурной поддержки) во многом поддерживаются за счет денежных переводов мигрантов и диаспоральных финансовых вливаний.

Сложившаяся отраслевая структура отличается большим удельным весом торговли и сектора услуг, туристической и гостиничной сферы. Дилеммой экономической модели Армении является зависимость ее роста от внутреннего спроса. Поскольку тот во многом удовлетворяется за счет импорта, его стимулирование ведет к росту импорта и как следствие – к усилению внешней финансовой зависимости и долгового бремени государства. А экстенсивный характер воспроизводства требует наращивания прямых инвестиций, чему препятствуют сохраняющиеся риски политической и военной нестабильности в регионе. Тридцатилетний опыт функционирования данной модели показывает ее высокую уязвимость [Маркаров, Давтян, 2020].

Грузия также не имеет значимой ресурсной базы, масштабы ее экономики малы. Однако благоприятный климат, выгодное географическое положение и максимальный уровень либерализации [Акжиева, 2019] обеспечивают динамичность ее макроэкономических параметров. Среднегодовые темпы роста ВВП в периоды подъемов составляют 5–7%. Источниками этого роста являются туристический сектор (42% в структуре ВВП по итогам 2019 г.), ресторанный бизнес и услуги населению (19%) и транзит энергоресурсов (8%). Промышленный и сельскохозяйственный потенциал страны был практически утрачен за годы реформ. Почти полная зависимость от импорта продукции, обеспечивающей внутренний спрос, делает экономику Грузии чрезвычайно уязвимой в вопросах продовольственной и экономической безопасности [Дёгтев и др., 2016], поэтому ей также свойственна дилемма экономического роста армянской модели.

Помимо вышеназванных факторов, экстенсивный экономический рост в Грузии обеспечивают финансовые вливания международных кредиторов, направленные на развитие рыночных институтов и увеличивающие долговое бремя. Подобная модель

демонстрирует не просто уязвимость, а тотальную зависимость экономики от внешних рынков¹³.

Различия в обеспеченности производственными факторами, степени развития экономических свобод, финансового, инвестиционного и ресурсного потенциалов, условий внешней торговли предопределяют разницу в темпах и качестве экономического роста стран Южного Кавказа.

За годы независимости ВВП на душу населения в Азербайджане вырос с 4394 долл. в 1992 г. до 14431 долл. в 2020 г. (особенно бурный рост наблюдался в 2000–2010 гг., затем среднегодовые темпы составили 3,9%); в Армении – с 1626 долл. до 13261 долл. (за 2010–2020 гг. прирост 82,1%) и в Грузии – с 1711 долл. до 14918 долл. (прирост в 2010–2020 гг. 97,8%)¹⁴. Все три страны по этому показателю существенно отстают от мировых лидеров и относятся к группе умеренно развитых экономик. Примечательно, что Армения и Грузия, несмотря на низкий экономический потенциал, показывают практически такой же результат, как Азербайджан, что свидетельствует о сопоставимом уровне рисков и потенциале действующих экономических моделей.

Различия экономических моделей не оказывают заметного влияния на уровень инвестиций по отношению к ВВП, среднее значение данного показателя за 30 лет у Азербайджана – 26,9%, у Армении – 23,8% и у Грузии – 22,4%. Но если объем накопленных инвестиций на единицу валового продукта практически одинаков во всех странах, то различия в уровне валовых сбережений к ВВП, отражающие внутренний потенциал развития экономики, существенно различаются. В Азербайджане его среднее значение за тот же период составляет 25,9%, в Армении – 12,32% и в Грузии – показатель отрицательный¹⁵, что отражает низкий уровень доходности экономики и жизни населения и неэффективность экономической модели. Таким образом, по итогам 30 лет

¹³ Грузия: особенности экономического роста. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Аналитический центр при Правительстве РФ, вып. № 46, 2019.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Рассчитано автором по статистической базе данных World Economic Outlook Международного валютного фонда. URL: <http://www.imf.org/external/country/>

наиболее успешно развивалась азербайджанская экономика благодаря ее значительному ресурсному потенциалу.

Экономические модели всех трех стран, отличаясь по источникам развития, отраслевой структуре и другим характеристикам, демонстрируют высокий уровень цикличности и зависимости от внешних факторов.

Макроэкономика и основные проблемы

Несмотря на нестабильность и сохраняющиеся военно-политические, экономические риски, все три республики имеют потенциал роста и развития, о чем свидетельствуют их макроэкономические показатели.

Азербайджан. Динамика темпов роста ВВП республики в полной мере отражает этапы становления и развития энергетического комплекса и циклы мирового энергетического роста. В 1992–1995 гг. в период рыночных реформ и подготовки контрактов на добычу нефти экономика сокращалась со скоростью 18,5% ежегодно (среднее значение за период), в 1995–2000 гг. среднегодовые темпы роста уже составляли 7,3% ВВП, в 2000–2005 гг. – 12,1% и в 2005–2010 гг. – 15,9%. Затем темпы падают до 2,5% в 2010–2015 гг. и 0,002% в 2015–2020 гг.

Ускоренный рост 2000-х годов был обеспечен разработкой нефтяных месторождений Азери, Чираг и Гюнешли (оператор – «Азербайджанская международная операционная компания», начало работ соответственно в 1997 г., 2005 г. и 2008 г.)¹⁶ и комплекса месторождений Шах-Дениз (добыча ведется с 2006 г. несколькими компаниями под контролем BP)¹⁷. К концу 2015 г. добыча нефти выросла до 1 млн барр., газа – до 18,2 млрд м³, что и определило бурный рост экономики.

Рост объемов добычи и экспорта энергоресурсов происходил в период чрезвычайно благоприятной ценовой конъюнктуры, что также стимулировало увеличение валовых показателей (ценовой фактор). Однако изменение тренда на мировых рынках

¹⁶ Статистическая база данных BP. Источник: Statistical Review of World Energy 2020 (англ.) // URL: http://www.bp.com/en_az/caspian/operationsprojects/ACG/projecthistory.html.

¹⁷ Статистическая база данных BP. Источник: Statistical Review of World Energy 2020 (англ.) // URL: http://www.bp.com/content/dam/bp-country/en_az/pdf/legalagreements/PSAs/SD-PSA.pdf.

и падение спроса и цен на энергоресурсы весьма ощутимо сказались на экономике Азербайджана [Исмаилова, 2020]: объемы ВВП сократились на 30% за 2015–2016 гг. и на 11% в 2019–2020 гг. (рис. 1).

Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Госкомстата Азербайджанской Республики. URL: <https://www.stat.gov.az/>

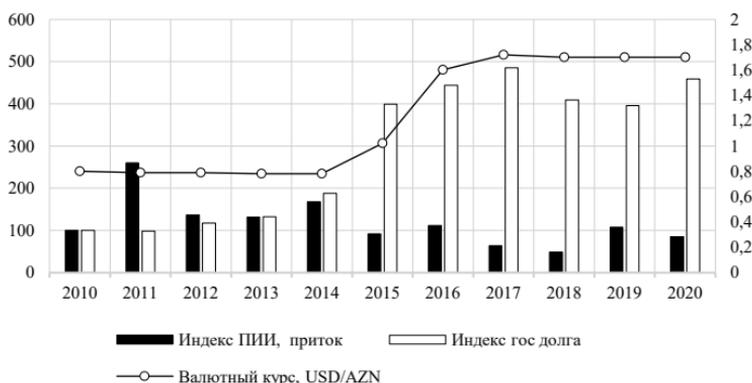
Рис. 1. Динамика макроэкономических показателей Азербайджана в 2010–2020 гг. Душевой ВВП – правая шкала, индексы – левая шкала (2010 г. = 100)

Прямая зависимость экономики республики от энергетического сектора подтверждается опережающими темпами роста экспорта, в котором на долю нефти и газа приходится более 80%, и обратной корреляцией с показателем динамики импорта, а также удельным весом энергосектора в доходах и расходах государственного бюджета (в периоды пиковых значений добычи и экспорта экспортная выручка от продажи нефти и газа формировала 40–60% доходов и 80–90% всех расходов государства) [Мигранян, 2021].

Чрезвычайно высока зависимость экономики Азербайджана и от импорта, за счет которого удовлетворяется до 95% потребностей в товарах повседневного спроса и более половины потребностей – в продуктах питания. Это в свою очередь предопределяет высокий уровень индекса потребительских цен (ИПЦ) и инфляции. Среднегодовой темп прироста ИПЦ за 2010–2020 гг. составил около 28%, а инфляции по экономике в целом – 5% (рис. 1). Это свидетельствует о высоком уровне инфляционной нагрузки на население и дотационном характере поддержки

производителей, за счет ограничения цен которых удается сдерживать инфляцию в экономике в целом.

Инфляционное давление на потребительский сектор поддерживается волатильностью курса национальной валюты – маната, который за последние 10 лет подешевел в два с лишним раза (рис. 2). В совокупности высокие темпы роста цен и падение покупательной способности маната определяют высокие темпы роста валовых показателей и низкие – экономического развития, о чем свидетельствует сохраняющаяся сырьевая отраслевая структура экономики.

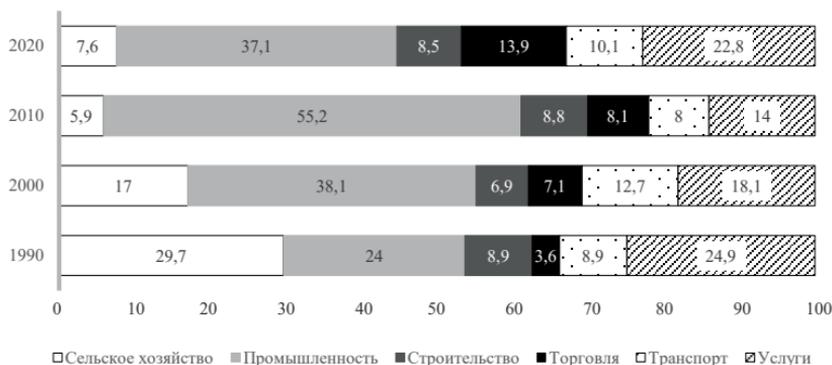
Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Госкомстата Азербайджанской Республики. URL: <https://www.stat.gov.az/>

Рис. 2. Показатели финансовой безопасности Азербайджана в 2010–2020 гг. Валютный курс – правая шкала, индексы – левая шкала (2020 г. = 100)

К 2010 г. отраслевая структура азербайджанской экономики была далека от сбалансированной (рис. 3). Рост в ней удельного веса промышленного сектора до 55,2% от ВВП объясняется беспрецедентным ростом объемов и цен нефтегазовой добычи (доля этого сегмента в объеме промышленного производства достигла в тот год своего максимума 78%), в то время как вклад сельского хозяйства сократился до 5,9% от ВВП, строительства – 8,8%, торговли – 8,1%, транспортных услуг – 8% и сервисных отраслей – 14%.

Кризис 2014–2015 гг. побудил власти в 2018 г. принять новую стратегию развития экономики, которая предусматривала

стимулирование инвестиций в несырьевые секторы. Перерабатывающие отрасли в результате действительно начали расти в среднем на 1,5–3% ежегодно. В 2020 г. в период кризисного спада доля промышленного сектора снизилась до 37,1% (нефтегазового – до 51,9% в объеме промышленного производства), доля строительства почти не изменилась, вырос удельный вес сельского хозяйства, торговли, транспорта и сервисных услуг. Рост сферы услуг и несырьевых отраслей до 48% в валовом объеме промышленного производства обеспечили увеличение занятости и доходов населения (заработных плат). Однако развитие несырьевого сегмента экономики идет довольно медленно, что обусловлено действующей экономической моделью.

Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Госкомстата Азербайджанской Республики. URL: <https://www.stat.gov.az/>

Рис. 3. Отраслевая структура экономики Азербайджана в 1990–2020 гг., %

Переориентация инвестиционных потоков на сервисный и перерабатывающий секторы требует увеличения доходов экономики, что в условиях кризиса на мировых рынках предполагает наращивание физических объемов добычи и экспорта энергоресурсов [Эйюбов, 2019]. В условиях доминирования прямых инвестиций в энергетический сектор их высокие темпы роста в годовом исчислении коррелируют с темпами роста ВВП, энергетического сектора промышленности и экспорта. Это говорит о действующей в республике модели экстенсификации экономики за счет расширения мощностей сырьевого сектора

и развития экспортной инфраструктуры. Увеличение социальных расходов, объемов поддержки несырьевых отраслей и военного сектора в периоды кризисов приводит к росту государственного долга (рис. 2) из-за необходимости компенсации выпадающих доходов от энергосектора (максимум был в 2018 г. – 48% от ВВП, минимум в 2012 г. – 7,3%, в 2020 г. – 20%).

Растущий уровень внешней задолженности создает дополнительное финансовое давление на экономику и обуславливает ее инерционное развитие с выраженным трендом снижения эффективности, о чем свидетельствует сокращение подушевого ВВП, который в период восстановления после очередного спада некоторое время остается на низком уровне (рис. 1). Таким образом, азербайджанская экономика в обозримой перспективе, вероятнее всего, сохранит сырьевую экспортоориентированную модель с высоким уровнем динамичности валовых показателей и прямой зависимостью от циклов на мировых энергетических рынках.

Армения. Ее скромная по масштабам экономика характеризуется сглаженными циклами и невысокими темпами роста, который опирается преимущественно на динамику внутреннего потребления населения и государства. Экономическая модель сохраняет высокий уровень рисков из-за нестабильной военно-политической обстановки, слабой ресурсной базы и финансовой зависимости от внешних источников финансирования потребительского спроса (денежные переводы мигрантов в 1995–2020 гг. составляли в среднем 14% от ВВП в год¹⁸, плюс есть диаспоральные вливания) и внешних же инвестиций.

Среднегодовые темпы экономического роста по основным циклам имеют следующие значения: в трансформационный период 1990–1995 гг., как и в сопредельных странах, наблюдался спад ВВП в среднем за год на 10%. Но восстановительный рост начался уже в 1993 г. и шел более высокими темпами, чем у соседей, благодаря гибкости мелкотоварного типа хозяйствования, имеющимся зачаткам рыночных отношений в теневом секторе республики еще со времен плановой системы.

В 1995–2000 гг. среднегодовой рост ВВП составлял 4,6%, в 2000–2005 гг. достиг 11,5%, что было обусловлено благоприятной

¹⁸ В 2013 г. уровень денежных переводов в Армению составлял 19,7% от ВВП, а в 2020 г. – 10,5%, наибольший объем переводов поступает из РФ. Данные Всемирного банка, расчеты автора.

внешнеэкономической конъюнктурой (стабильные цены на импорт) и далее постепенно снижался: в 2005–2010 гг. – 6% в среднем за год, в 2010–2015 гг. – 4% и в 2015–2020 гг. – 2,7%¹⁹. Понижительный тренд темпов экономического роста Армении связан с неблагоприятной конъюнктурой на мировых отраслевых рынках и ситуацией в странах ЕАЭС (особенно в России), в целом рецессией мировой экономики, геополитическими факторами и кризисами 2014–2015 и 2020 гг.

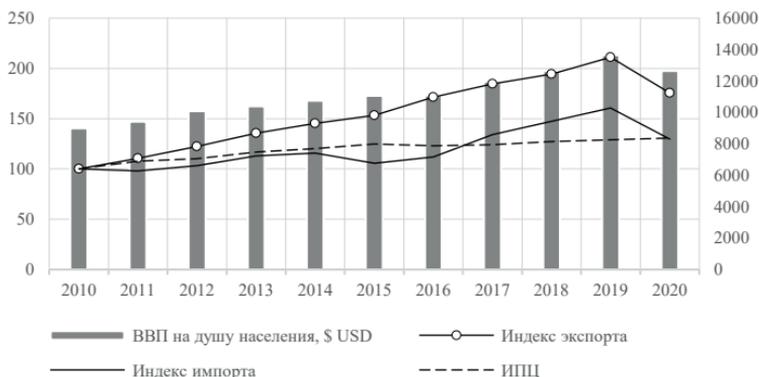
Обусловленная реализуемой моделью зависимость армянской экономики от внешних денежных поступлений и покупательной способности населения, порождает чувствительность к темпам роста стран, принимающих мигрантов из республики. Высокий уровень потребления импортной продукции повседневного спроса приводит к прямой зависимости ВВП от цен на импортные товары, устойчивости валютного курса и волатильности мировых рынков. Высокий удельный вес инвестиций и кредитов в экономике (пиковое значение внешних капиталовложений – 94,5% от ВВП – было достигнуто в 2011 г.) делает ее зависимой от стоимости и доступности этих ресурсов. При этом определяющую роль в решении проблем недостаточности инвестиционных и кредитных ресурсов для армянской экономики играют сохраняющиеся риски военной конфронтации вокруг Нагорного Карабаха, которые негативно влияют на инвестиционную привлекательность страны.

Экономический рост в 2010–2020 гг. сохранял высокие темпы между кризисными спадами 2012 г., 2015 г. и 2020 гг. (рис. 4), вызванными влиянием кризиса в России в 2014–2015 гг. (эффекты заражения в рамках ЕАЭС) и коронакризисом в 2020 г. При этом величина ВВП на душу населения оставалась высокой для региона и характеризовалась устойчивым планомерным ростом в среднем на 10,2% в год.

Восстановление экономики каждый раз происходило преимущественно за счет наращивания экспортной выручки и внешних инвестиций в республику. Динамика экспорта демонстрирует значительные циклические колебания. Устойчивый рост с темпами около 8% ежегодно наблюдался в 2017–2019 гг. после

¹⁹ Рассчитано автором по статистической базе данных World Economic Outlook Международного валютного фонда. URL: <http://www.imf.org/external/country/>

прохождения периода адаптации в Евразийском экономическом союзе, что открыло стабильный доступ к рынкам сбыта продукции АПК, а сотрудничество с ЕС в рамках ассоциированного соглашения об экономическом партнерстве позволяет поддерживать высокий уровень экспорта в страны Европы руд и драгоценных камней.

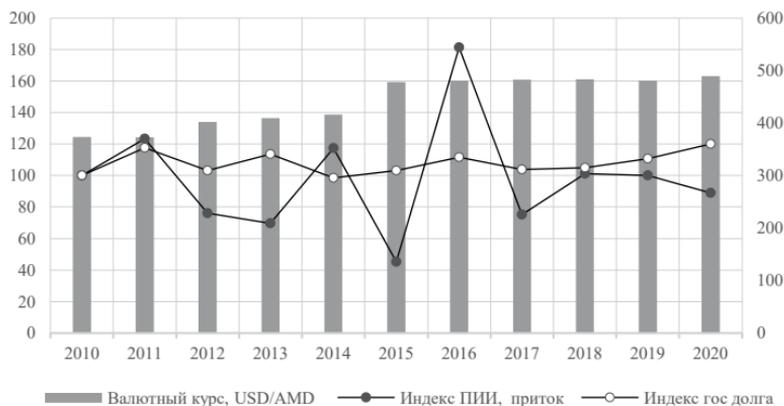
Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Стат. комитета Республика Армения. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99525133.xls>

Рис. 4. Макроэкономические показатели экономики Армении в 2010–2020 гг. Правая шкала – ВВП, левая шкала – индексы (2010 г. = 100)

Импорт растет медленнее экспорта (рис. 4), что позволяет улучшать состояние платежного баланса, но не решает проблему дефицита финансовых ресурсов (оттока капитала)²⁰. Умеренные темпы роста импорта, в отличие от азербайджанской экономики, не коррелируют с динамикой инфляции и ИПЦ. Основной фактор инфляционного давления в республике – характер ее денежно-кредитной политики: высокая ставка учетного процента, дорогие кредитные ресурсы, избыточная денежная масса и резервирование средств на государственном уровне (в большинстве своем из кредитных источников). Дорогие кредиты не позволяют бизнесу наращивать производство, проводить модернизацию, а внутренний спрос покрывается за счет внешних источников (валютные

²⁰ Основные предварительные макроэкономические показатели, полученные по текущим оперативным сводкам, характеризующие социально-экономическое положение РА // URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99520603.pdf>

поступления от мигрантов и диаспоральная помощь), в результате банковская система проводит закачку национальной валюты для поддержания стабильности валютного курса, причем все последующие издержки покрываются из государственных фондов. При этом за счет государственного регулирования цен производителей инфляция в целом по экономике растет медленнее ИПЦ, что свидетельствует об инфляционном подогреве внутреннего спроса (рис. 4). Ускоренные темпы роста цен для населения по товарам конечного потребления хотя и обеспечивают рост стоимостных объемов ВВП, приводят к снижению уровня жизни, особенно на фоне высокой безработицы (до 15% по итогам 2020 г.) и снижающегося курса национальной валюты (рис. 5).

Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Стат. комитета Республика Армения. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99525133.xls>

Рис. 5. Показатели финансовой безопасности Армении.
Правая шкала – обменный курс,
левая шкала – индексы (2010 г. =100)

Показатели финансовой безопасности Армении характеризуются высоким уровнем риска: устойчивый рост государственного долга, нестабильный понижательный тренд динамики прямых инвестиций и растущий курс доллара по отношению к драму (рис. 5). Уровень государственного долга к ВВП (62,8%) говорит о высокой вероятности технического дефолта.

Проблемы армянской экономики (особенно в части развития производственного потенциала) подпитывают сохраняющиеся

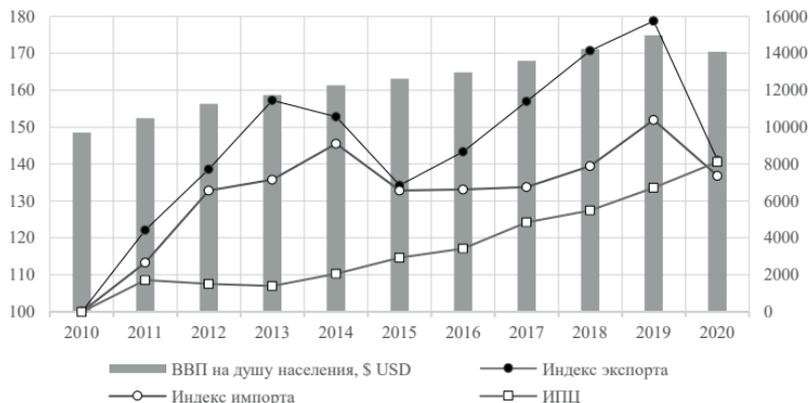
риски новых конфликтов вокруг Нагорного Карабаха, зависимость от внешних кредиторов, дефицит государственных финансов, рост миграционного оттока и безработицы. Для их решения нужно разблокировать коммуникации, урегулировать внешнеполитические конфликты, реализовать эффективные стимулы для ускоренного роста промышленного сектора.

Грузия. Ее экономика после выхода из СССР развивалась по наиболее драматичному сценарию. Кроме потерь, связанных с переходом на рыночные отношения, республика получила значительный урон от дестабилизации внутривнутриполитической ситуации и межэтнических конфликтов. Ее промышленный потенциал был практически утрачен, и экономика ориентировалась в основном на сервисные отрасли (с доминированием туризма). Это подтверждается данными среднегодовых темпов роста ВВП республики. В 1990–1995 гг. экономика сокращалась в среднем на 20,6% в год, восстановительный рост начался лишь к концу 1995 г. Стабилизация политической ситуации и завершение рыночных реформ привели к длительной фазе роста в среднем на 5,4% в 1995–2000 гг. и 6,4% в 2000–2005 гг.²¹ Но в 2008 г. последовал новый резкий спад, который был связан с войной в Южной Осетии и последующим разрывом отношений с основным экономическим партнером – Россией. Его частично удалось компенсировать кредитными вливаниями и донорской поддержкой ЕС после подписания ассоциированного соглашения в режиме ЗСТ+ (всеобъемлющее сотрудничество). Тем не менее после 2005 г. в разрезе пятилетних периодов среднегодовые темпы роста экономики устойчиво снижались: 6,1% – в 2005–2010 гг., 5,2% – в 2010–2015 и 2,4% – в 2015–2020 гг.

В целом динамика экономического роста республики после 2010 г. показывает нестабильный рост с кризисными спадами (рис. 6), совпадающими с периодами кризисов в мировой экономике из-за высокого уровня зависимости от туризма и импорта, который практически полностью покрывает внутренний спрос. Начиная с 2010 г. туристический сегмент и сопровождающие его сервисные услуги составляют более 40% грузинской экономики. Внешнеэкономическая активность республики циклична, отличается равномерностью темпов роста импорта и экспорта

²¹ Рассчитано автором по статистической базе данных World Economic Outlook Международного валютного фонда. URL: <http://www.imf.org/external/country/>

и связана с факторами платёжеспособности населения и циклами инвестиционных проектов.

Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Национальной службы статистики Грузии. URL: <https://www.geostat.ge/en>

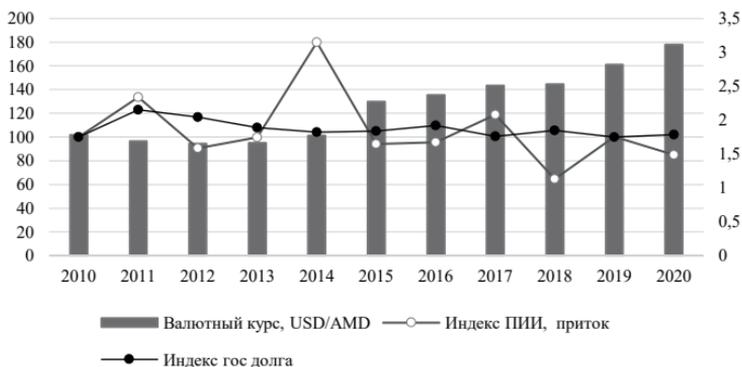
Рис. 6. Макроэкономические показатели Грузии в 2010–2020 гг.
Правая шкала – ВВП на душу населения,
левая шкала – индексы.

Темпы роста потребительских цен в республике – самые высокие в регионе (17% в среднем за год в течение 2010–2020 гг.), что вызвано политикой либерализации экономики по требованиям МВФ как основного кредитора (особенно в части ценообразования и тарифов на социально значимые услуги: электроэнергия, тепло и т.п.). Инфляцию в целом сдерживают низкие темпы роста цен у производителей, объясняющиеся невысокой конкурентоспособностью их продукции на внешних рынках.

Экономика Грузии сохраняет высокий уровень рисков потери финансовой независимости из-за растущего госдолга, хронического дефицита государственного бюджета (в конце 2020 г. достиг 9,3% от ВВП) и снижения темпов роста прямых инвестиций (рис. 7).

Обесценивание лари относительно доллара усугубляет ситуацию социальной напряженности в республике. При сохраняющейся высокой деловой активности населения потери туристической индустрии ведут к росту безработицы, что ускоряет падение уровня жизни населения. На этом фоне власти вынуждены

увеличивать расходы по социальной поддержке населения, что противоречит требованиям МВФ, приводит к росту бюджетного дефицита и внешней задолженности.

Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Национальной службы статистики Грузии. URL: <https://www.geostat.ge/en>

Рис. 7. Показатели финансовой безопасности Грузии в 2010–2020 гг. Правая шкала – обменный курс, левая шкала – индексы (2010 г. =100)

Исследование основных параметров развития экономик стран Южного Кавказа позволило выявить разные экономические модели стран региона, отсутствие их экономического взаимодействия, высокий уровень зависимости от внешних факторов, механизмы влияния которых различаются в зависимости от специфики реализуемой модели. Ни одна из республик не способна преодолеть имеющиеся у нее проблемы и обеспечить устойчивый рост и развитие национальной экономики.

Сырьевая экспортоориентированная модель Азербайджана требует поддержания экспортного потенциала на высоком уровне, что стимулирует власти страны к наращиванию инвестиций в энергетический комплекс и развитие нефте- и газотранспортной инфраструктуры, обеспечивающий выход на международные рынки. Заинтересованность Баку в развитии энергетического сектора формирует и региональный интеграционный потенциал, что отражается на растущей зависимости Грузии от транзита энергоносителей через свою территорию.

Армения продолжает испытывать проблемы, связанные с транспортной изолированностью, дефицитом инвестиционных ресурсов и высоким уровнем зависимости от внешних рынков. Проблема миграционного оттока обострилась после второй Нагорно-Карабахской войны и роста зависимости от денежных переводов мигрантов и диаспор. Это стимулирует власти республики к разблокировке транспортных коммуникаций, но в отличие от Азербайджана Армения будет стремиться к участию в широкой многосторонней интеграционной схеме, предполагающей участие в новых транспортных коридорах России и Ирана, что позволит ей отстаивать национальные интересы после проигрыша в войне.

Замкнутость грузинской экономики на локальных сервисных отраслях и туризме существенно снижает экономический и интеграционный потенциалы страны. Максимальная либерализация ее экономики по лекалам МВФ и ЕС не позволяет стимулировать экономический рост через механизмы государственной поддержки. Транзитное положение усугубляет зависимость от ситуации на внешних рынках, но обеспечивает дополнительный приток валюты в периоды экономического роста.

В целом турбулентность экономик всех Южно-Кавказских республик обусловлена низким уровнем их конкурентоспособности, но имеющиеся ресурсный, географический и климатический потенциалы создают достаточный уровень для поступательного экономического развития. Ориентация на внешние рынки требует активизации интеграционных процессов внутри региона, но инерционность реализуемых стратегий экономического развития будет способствовать консервации проблем и их сглаживанию, что способствует сохранению действующих экономических моделей.

Литература

Аккиева С. И. Внедрение европейской интеграции на Южном Кавказе: мнение ЕС и России // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 11. Электронный журнал. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/pap/2019/11/politics/akkieva.pdf, DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2019.11.1>.

Андронов И. В., Катамадзе А. Трансформация экономической политики Грузии // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 2. С. 212–223 DOI: 10.22363/2313–2329–2018–26–2–212–223.

Бекларян Э. А. Современные политические процессы в странах Южного Кавказа // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 214–216.

Гаджиев К. С., Примова Э. Н. Природа политических режимов стран Южно-кавказских государств // Мир и политика. 2012. № 5 (68). С. 7–17.

Гаспарян Д. М. Южный Кавказ как перекресток международных интересов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 3. С. 61–67.

Дёгтев А. С., Маргоев А. Р., Токарев А. А. Экономика Грузии в пространстве противоречий региональных держав // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № (2(47)). С. 219–233. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-219-233>

Жуков С., Резникова О. Центральная Азия и Азербайджан: долгосрочные энергетические стратегии // Кавказ и глобализация. 2012. № 2. Т. 6. С. 114–144.

Захаров В. А., Арешев А. Г. (2010). Кавказ после 08.08.08: старые игроки в новой расстановке сил. М.: Изд. «Квадрила». 272 с.

Зоидов К. Х., Зоидов З. К. Эволюция трансформационных экономических систем стран Южного Кавказа в условиях интеграции и глобальной нестабильности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 9. С. 188–202.

Иванов С. М. Южный Кавказ в региональной геополитике // Дипломатическая служба. 2019. № 2 (83). С. 41–52.

Исмаилова Л. Г. К вопросу российско-азербайджанских торгово-экономических отношений // Наука, техника и образование. 2020. № 4 (68). С. 79–83.

Крылов А. Б. Особенности современного этапа развития Южного Кавказа // Архонт, 2017. № 3. С. 4–7.

Маркаров А. А., Давтян В. С. Социально-экономическая ситуация в Армении в период пандемии COVID-19: влияние карантинных мер на энергетический сектор // Геоэкономика энергетики. 2020. № 4 (12). С. 59–76.

Мигранян А. А. Социально-экономическая ситуация в странах Южного Кавказа в период пандемии коронавируса // Постсоветский материк. 2021. № 3 (31). С. 68–81. DOI: 10.48137/2311-6412_2021_3_68.

Мкртчян Т. На пути преодоления «большого локдауна»: восстановление или новый спад? // Вестник Армянского государственного экономического университета. 2020. № 4. С. 42–61.

Новиков В. В. Геополитические и экономические факторы развития энергетического сектора Азербайджана и Турции // Геоэкономика энергетики. 2021. № 1 (13). С. 157–174. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_13_1_157

Петрова С. В., Сляднева Г. В. Политическая ситуация в регионе южного Кавказа в контексте геополитических и цивилизационных процессов // Вестник Томского Государственного педагогического университета. 2015. № 2 (155). С. 72–77.

Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия // Отв. ред. Л. Б. Вардомский. М.: ИЭ РАН, 2012. С. 167–238.

Чо Ё. Развитие сотрудничества стран на Южном Кавказе в сфере железнодорожного транспорта. Роль международного режима после Карабахской войны // Мировая политика. 2021. № 1. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.1.35008 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35008

Эйбов М. Р. Макроэкономическая модель безопасного функционирования национальной экономики Азербайджана в долгосрочном периоде // Управление. 2019. № 2. С. 71–86.

Статья поступила 18.03.2022.

Статья принята к публикации 08.04.2022

Для цитирования: Мигранян А.А. Южный Кавказ: 30 лет турбулентности // ЭКО. 2022. № 5. С. 29–59. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-5-29-59.

Summary

Migranyan, A.A., *Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

South Caucasus: 30 Years of Turbulence

Abstract. The paper examines the political processes of formation of statehood of the post-Soviet republics of the South Caucasus, the problems of ensuring military and political security, democratization of political institutions and stability in the region. Socio-economic peculiarities of the formation and development of the countries of the region are studied, the distinctive features of the economic systems formed in them are revealed. The author defines the factors and economic potential of the republics that influence the choice of models of foreign economic cooperation and integration preferences. The main macro-economic parameters of the national economies have been assessed, the features of economic models have been revealed, the cyclical nature of economic development of the republics of South Caucasus has been justified.

Keywords: *political systems; state institutions; economic model; stages of economic development; economic potential; South Caucasus; Azerbaijan; Armenia; Georgia*

References

- Akkieva, S.I. (2019). Introduction of European integration in the South Caucasus: opinion of the EU and Russia. Society: politics, economics, law., No. 11. *electronic journal*. Available at: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/2019/11/politics/akkieva.pdf. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2019.11.1>.
- Andronova, I.V., Katamadze, A. (2018). Transformation of economic policy of Georgia. *Bulletin of RUDN*. Series: Economics. T. 26. No. 2. Pp. 212–223. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313–2329–2018–26–2–212–223.
- Beklaryan, E.A. Modern political processes in the countries of the South Caucasus. *Theory and practice of social development*. 2011. No. 3. Pp. 214–216. (In Russ.).
- Cho, Yo. (2021). Development of cooperation between countries in the South Caucasus in the field of railway transport. The role of the international regime after the Karabakh war. *World policy*. No. 1. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409–8671.2021.1.35008. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35008
- Degtev, A.S., Margoev, A.R., Tokarev, A.A. (2016). The economy of Georgia in the space of contradictions of regional powers. *Bulletin of MGIMO-University*. No. 2(47). Pp. 219–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071–8160–2016–2–47–219–233>
- Eyubov, M.R. (2019). Macroeconomic model of safe functioning of Azerbaijan's national economy in long-term period. *Management*. No. 2. Pp. 71–86. (In Russ.).

Gasparyan, D. M. (2009). South Caucasus as a crossroads of international interests. *News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. No. 3. Pp.61–67. (In Russ.).

Hajiev, K.S., Primova, E.N. (2012). Nature of political regimes of the countries of the South Caucasus states. *Peace and politics*. No. 5 (68). C. 7–17. (In Russ.).

Ismailova, L. G. (2020). To the issue of Russian-Azerbaijani trade and economic relations. *Science, technology and education*. No. 4 (68). Pp. 79–83. (In Russ.).

Ivanov, S.M. (2019). South Caucasus in regional geopolitics. *Diplomatic service*. No. 2 (83). Pp. 41–52. (In Russ.).

Krylov, A.B. (2017). Features of the modern stage of development of the South Caucasus. *Archont*. No. 3. Pp. 4–7. (In Russ.).

Markarov, A.A., Davtyan, V.S. (2020). The socio-economic situation in Armenia during the COVID-19 pandemic: the impact of quarantine measures on the energy sector. *Geoeconomics of Energy*. No. 4 (12). Pp. 59–76. (In Russ.).

Migranyan, A.A. (2021). Socio-economic situation in the countries of the South Caucasus during the coronavirus pandemic. *Post-Soviet mainland*. No. 3 (31). Pp. 68–81. (In Russ.). DOI: 10.48137/2311–6412_2021_3_68

Mkrtchyan, T. (2020). On the way to overcoming the “big lockdown”: recovery or a new recession? *Bulletin of the Armenian State University of Economics*. No. 4. Pp. 42–61. (In Russ.).

Novikov, V.V. (2021). Geopolitical and economic factors of development of the energy sector of Azerbaijan and Turkey. *Geoeconomics of energy*. No. 1 (13). Pp. 157–174. (In Russ.). DOI: 10.48137/2687–0703_2021_13_1_

Petrova, S.V., Slyadneva, G.V. (2015). The political situation in the region of the southern Caucasus in the context of geopolitical and civilizational processes. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University (TSPU Bulletin)*. No. 2 (155). Pp.72–77. (In Russ.).

Socio-economic development of the post-Soviet countries: the results of the twentieth anniversary. (2012). Ed. L. B. Vardomsky. Moscow. IE RAS, Pp. 167–238. (In Russ.).

Zakharov, V.A., Areshev, A.G. (2010). *Caucasus after 08.08.08: old players in a new alignment of forces*. Moscow. Quadrila Publ. 272 p. (In Russ.).

Zhukov, S., Reznikova, O. (2012). Central Asia and Azerbaijan: long-term energy strategies. *Caucasus and globalization*. No. 2. Vol. 6. Pp. 114–144. (In Russ.).

Zoidov, K.H., Zoidov, Z.K. (2014). Evolution of transformational economic systems of the countries of the South Caucasus in conditions of integration and global instability. *Regional problems of economic transformation*, No. 9. Pp. 188–202. (In Russ.).

For citation: Migranyan, A.A. (2022). South Caucasus: 30 Years of Turbulence. *ECO*. No.5. Pp. 29–59. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-29-59.